

Wadim Bielow (Вадим Анатольевич Белов)

Moskiewski Państwowy Uniwersytet im. M. W. Łomonosowa (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ВАСЬКОВСКИЙ И ЕГО „УЧЕБНИК ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА”. К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АВТОРА И 120-ЛЕТИЮ ВЫХОДА „УЧЕБНИКА”

Евгений Владимирович Васьковский всегда пользовался заслуженным авторитетом, прежде всего, как процессуалист. Его известность как цивилиста и, тем паче, как цивилиста-педагога, несколько меньше; даже у нас в России звезда его цивилистического имени несколько затмевается многими звездами, более яркими и броскими. В настоящей статье я постараюсь хотя бы отчасти исправить эту очевидную несправедливость – рассказать об „Учебнике гражданского права” Евгения Владимировича Васьковского; который, к сожалению, так и остался неоконченным¹.

По состоянию на 1894 год – год выхода из печати первого выпуска „Учебника” – русская учебная литература располагала, по сути, только одним законченным руководством по гражданскому праву, а именно – курсом лекций Дмитрия Ивановича Мейера. Пособия иных авторов к тому времени либо не были закончены (Н. Л. Дювернуа, К. Д. Кавелин, К. И. Малышев, К. П. Победоносцев, П. П. Цитович), либо существовали исключительно в виде литографированных студенческих конспектов (А. П. Башилов, А. Х. Гольмстен, С. А. Муромцев, Н. О. Нерсесов, С. В. Пахман). Знаменитый в последующем учебник гражданского права Г. Ф. Шершеневича тогда только вышел своим первым изданием; ну а учебные руководства ряда других авторов (К. Н. Анненков, Ю. С. Гамбаров) еще не появились. На этом фоне первому выпуску „Учебника” Е. В. Васьковского, заключавшему в себе Введение и Общую часть дисциплины, „повезло” стать *первым*

¹ См.: Васьковский Е. В. *Учебник гражданского права. – Вып. I. Введение и общая часть.* СПб., 1894, ii+ii+170 с. – Вып. II. *Вещное право.* СПб., 1896, 188+ii с. – См. также переиздание обеих частей в серии „Классика российской цивилистики” в едином томе под общим наименованием „Учебник гражданского права” (М., 2003, 382 с.). – В дальнейшем, ссылаясь на текст „Учебника”, мы указываем номера страниц по его оригинальному, дореволюционному изданию.

шагом в целом ряде вопросов академического изучения русского гражданского права. Некоторые из этих шагов не встретили понимания современников и признания потомков, в связи с чем, так и остались уникальными, неповторимыми чертами, так сказать, родимыми пятнами, отличающими Учебник В. Васьковского от других, ему подобных; но большинство их заложили традиции русского академического изучения гражданского права – традиции, сохранившиеся и развивающиеся вплоть до настоящего времени. В своем выступлении я остановлюсь буквально на нескольких моментах того и другого рода.

Постановка задачи. Автор сообщает, что он стремился: „... издать ... учебник, заключающий в себе [1] сжатый очерк *теории* гражданского права с беглыми указаниями на [2] *иностранные кодексы* и [3] *литературу* и более подробное [4] изложение *действующего русского законодательства* в связи с [a] *толкованиями* отечественных юристов и [b] *кассационной практикой*” (стр. ii, предисловие). Итак: **теория + законодательство + толкование + практика + библиографический материал** (иностранные кодексы и литература) = Учебник гражданского права. Вот эта „формула Учебника” *установилась именно с подачи Евгения Владимировича Васьковского, распространилась за рамки гражданского права на все юридические дисциплины и удерживается в нашей академической среде до сих пор.* Для сравнения: центр тяжести учебника Д. И. Мейера составляет западно-европейское и римское гражданское право, перенесенное на русскую почву; Г. Ф. Шершеневича – русское законодательство, обработанное методами римского права. Известны и более поздние попытки присоединения к учебникам по отраслевым юридическим дисциплинам исторических и сравнительно-правовых очерков, введения в них элементов римского, пандектного и западно-европейского права, политической экономии, социологии, политологии; в советское время старались изжить из учебников материал иностранных кодексов и практическую компоненту. Но ни одна из этих попыток не прижилась; „формула Васьковского” осталась неприкосновенной.

Система гражданского права (стр. 15–16). Автор – сторонник *пандектной системы*. Он выделяет в составе гражданского права **Общую** и **Особенную** части, подразделяя последнюю на права *вещные* [1], *обязательственные* [2], *семейные* [3] и *наследственные* [4] с объединением [1] и [2] в промежуточное подразделение с наименованием „*имущественное право*”. Интересно, однако, то, что автор не просто принимает ее безо всяких объяснений (мол, есть такая система и мы будем ее придерживаться), но предпринимает попытку собственного, научно-оригинально обоснования ее состава и предпочтения. Может быть, это потому, что автор несколько модернизирует традиционную пандектную систему Ф.-К. фон Савиньи под лозунгом *большой последовательности*.

Общая часть в изложении Е. В. Васьковского – это по существу первый в русской литературе опыт более-менее подробного и полного представления этого материала (см. стр. 45–169 первого выпуска Учебника). Сам автор между прочим отмечает, что „Этот важный отдел, которому Савиньи посвятил восемь томов [т. е. как раз Общая часть ГП], изложен на русском языке вполне только у Мейера, да и то в очень кратком виде” (сноска на стр. 45). Систематика *Общей части* Васьковского такова: (1) *субъект* – (2) *объект* – (3) *юридическое отношение*; внутри последнего – (а) юридические действия – (б) сделки – (в) недействительные сделки – (г) представительство – (д) события – (е) осуществление прав – (ж) нарушение прав – (з) защита прав. Видно, что систематика эта вполне традиционна даже для наших современных учебников; в сравнении с ближайшими конкурентами заслуга Е. В. Васьковского в том, что он выделил понятие юридического отношения (правоотношения), а вопросы о юридических фактах, осуществлении прав, представительстве, правонарушениях и защите прав рассмотрел именно в рамках этого понятия, т. е. в их системном единстве, а не в простой последовательности (как у Д. И. Мейера и Г. Ф. Шершеневича).

Ну а в чем же состоит предложенное Е. В. Васьковским *оригинальное обоснование* состава и предпочтения именно пандектной системы гражданского права? Ученый начинает с объяснения, касающегося Особенной части и находит его в *последовательности развития* человеческих отношений и в их *содержании*. Так, при жизни человек нуждается (1) во-первых, в *благах имущественных*, кои бывают двух типов – [1] материальные предметы или *вещи* и [2] *действия* или услуги других лиц = то и другое дает *вещное* и *обязательственное* = *имущественное право*; (2) во-вторых, он нуждается в *благах неимущественных*: „... человек вступает в брак и производит потомство” = [3] семейные отношения, сиречь, *семейное право*. По завершении жизни (после смерти) сам человек уже ни в чем не нуждается, но нуждаются другие люди – в том, чтобы решить вопрос о судьбе оставшегося после него имущества – „... о том, к кому и как оно должно перейти. Разрешение этого вопроса составляет задачу *наследственного права*”. Что же касается выделения части *Общей*, то оно объясняется *стремлением избежать постоянных повторений одних и тех же элементов* – понятий о лицах, правоспособности, объектах и пр. – которые будут встречаться в каждом из отделов *Особенной части* гражданского права, т. е. соображениями рациональности.

Последовательность – бóльшая она или меньшая – непонятно, ибо объединив под именем права имущественного права вещные и обязательственные, Е. В. Васьковский [1] очевидно неосновательно исключил из *имущественного* права *имущественные отношения в семье*, без сомнения в ней имеющиеся; но если такой шаг еще как-то можно объяснить (например, объявив, что все имущественные отношения в семье сводятся либо

к вещным, либо к обязательственным), то [2] еще более вопиющим выглядит изъятие из имущественного права всего *права наследственного*, которое (по определению самого же Е. В. Васьковского) – уж совсем несомненно есть право *имущественное* и (в современных условиях) практически не может быть никаким другим.

Квалифицировав в качестве „прав имущественных” только право *вещное* право и *обязательственное*, Е. В. Васьковский по существу двинулся по пути К. Д. Кавелина, 15-тью годами ранее издавшим свои „Права и обязанности по имуществам и обязательствам” в качестве „заменителя” учебника по гражданскому праву, а „Права семейственные” и „Права наследственные” обособивший в отдельных книжках. Разница только в том, что Е. В. Васьковский не стал „вливать” в имущественное право прав и обязанностей публичного происхождения. Любопытно, что сам Е. В. Васьковский отзывался о воззрениях К. Д. Кавелина (и близких к нему взглядах на гражданское право, которые он именовал экономическими) в том смысле, что таковые *не могут быть приняты* (см. стр. 6–7, 8 и сл. Учебника), что не помешало ему эти самые воззрения в основном ... принять.

Основным недостатком пандектной системы гражданского права Ф.-К. фон Савиньи Е. В. Васьковский считает ее *неполноту, несоответствие историческим условиям*, существенно изменившимся со времени ее оформления. „Образовавшись из материала, заключенного в кодексах Юстиниана, она не обнимает собой тех юридических институтов, которые были неизвестны римлянам, а возникли только у новых европейских народов. Под какую рубрику, например, подойдут авторское право и бумаги на предъявителя?” – спрашивает он, и тут же отвечает: „Для них нет места в пандектной системе” (стр. 17). Стало быть, систему надо совершенствовать. Каким же образом? Вот здесь Е. В. Васьковский в основном следует рассуждениям Г. Ф. Шершеневича², в основе которой – разделение прав на *основные* (простые) и *сложные*; далее – разделение основных прав на *абсолютные* и *относительные*; АБСОЛЮТНЫХ – на *вещные, исключительные* и *личные*; СЛОЖНЫХ – на *семейные, наследственные* и *конкурсные*.

Разделение прав на *простые* и *сложные* (несмотря на неясность критерия) Е. В. Васьковскому нравится – он не подвергает его критической проверке и принимает без изменений. К иным подразделениям классификации он высказывает претензии (иногда обоснованные, иногда нет), но не делает некоторых замечаний, которые очевидно следовало бы сделать, например, о том, что при *такой* классификации все относительные права сводятся к одним только правам обязательственным. После этого он предлагает свою систему [а] *простых* и [б] *сложных* прав: права *ПРОСТЫЕ* у него

² См.: Шершеневич Г. Ф. *К вопросу о системе гражданского права* // Юридическая Летопись. 1892. Кн. 8. С. 85–96.

включают права *вещные* [1], *исключительные* [2], *обязательственные* [3] и *овеществленные* [4], а *СЛОЖНЫЕ* – права *семейные* [5], *наследственные* [6] и *специальные* [7].

К сожалению, мне думается, что что и эта система заслуживает практически всех тех упреков, что высказал сам Е. В. Васьковский в адрес конкурирующих систем. Главные из них – (1) в *непоследовательности проведенной систематизации*: очевидно, например, что критерий „простоты” и „сложности” прав так и остался неясным; что овеществленные права – это в основном те же права обязательственные, только особым образом удостоверенные и оттого – по особым правилам осуществляемые; (2) в *неполноте* – куда, например, отнести ряд личных прав и гражданских свобод, не связанных с семейными отношениями? возможности совершения не фактических, а юридических действий (например, представителем)? (3) в *содержательной неясности* последнего типа прав, названных *специальными* – по существу это оказалось очередной „юридической помойкой”, на которую ученый выбросил все то, чему не смог (по его же собственному признанию), отыскать места в традиционных подразделениях классификации, а именно – права конкурсные, торговые, вексельные, промышленные и т. д. Их он даже не планирует рассматривать „ввиду того, что они уже выделились из гражданского права и составляют предмет его самостоятельно разрабатываемых ветвей” (стр. 20). Зачем же *включать* в гражданское право то, что из него ... „выделилось”?

В вопросе о **действии гражданских законов во времени** Е. В. Васьковский выделяет две системы их вступления в силу – (1) *одновременно на всей территории государства* и (2) *по мере получения официального текста в столице округа* – наивысшей административной единицы, типа наших субъектов федерации (стр. 22–23). В наших современных учебниках пишется только об одной (первой) системе и ничего не упоминается о второй; но интереснее всего то, что эпохе издания Учебника Е. В. Васьковского в России *не соответствовала ни одна из систем*. Ведь на территории Российской Империи существовало множество так называемых *местных законов*, – законов, действовавших *только на определенных территориях*. Конечно, автору это обстоятельство известно, оно им отмечается (стр. 26–27), но ... но ни на какие его выводы о времени вступления законов в силу не влияет. В то же время нельзя не отметить весьма подробное (как для его времени, так и для нашего) политико-правовое и вместе с тем практическое (не догматическое!) *объяснение феномена обратной силы закона* и правила о том, почему закон обычно ее не имеет (стр. 23–25).

Толкование закона и его применение по аналогии – пожалуй, самый обстоятельный раздел среди всех русских учебников гражданского права (стр. 29–40). Это, в общем и неудивительно, учитывая адвокатскую карьеру Е. В. Васьковского и вызванный ею особый интерес к этой области, – инте-

рес, который менее чем через 10 лет примет форму докторского сочинения о цивилистической методологии. Особенно любопытны (С. 38–39) основные недостатки русского Св. Зак. Гр., которые необходимо принимать во внимание при толковании его норм (неполнота, казуистичное содержание, устарелость, несамостоятельность, плохая редакция) и его согласие с мнением К. Д. Кавелина: „... наш X том ниже не только гражданских кодексов римского и западноевропейских, но ниже Литовского Статута и даже ниже уложения царя Алексея Михайловича, изданного слишком 200 лет тому назад”.

Вслед за Д. И. Мейером Е. В. Васьковский довольно тщательно рассматривает вопрос о **влиянии разнообразных факторов на гражданскую правоспособность физического лица** (стр. 55–62), а именно – таких, как пол, возраст, подданство, законность рождения, сословие, звание, национальность, родство и свойство, брак, гражданская честь, уголовное осуждение и судимость. Даже дореволюционные авторы – и те не всегда соглашались с подобной постановкой вопроса; так, тот же Г. Ф. Шершеневич полагал, что если перечисленные обстоятельства на что и влияет – так только на дееспособность, а не на правоспособность. Само собою понятно, что советские учебники гражданского права вообще ни о чем подобном не рассказывали – правоспособность граждан в стране победившего социализма могла быть *только равной*. Интересна ситуация, сложившаяся в наших современных учебниках: о многих названных факторах в них рассказывается, но не в смысле их влияния на правоспособность, а как об обстоятельствах, служащих ... делу индивидуализации личности того или иного гражданина.

В параграфе о правовом положении физических лиц есть и другой очень интересный, обращающий на себя внимание, момент: Е. В. Васьковский совсем не рассматривает в нем вопроса о ... **дееспособности граждан**. Кажется, это единственный такого рода случай в нашей литературе. Неужели автор о нем просто забыл? Конечно, нет – в Учебнике этот вопрос излагается, но в связи с совсем другой проблематикой – вопросами *юридического значения человеческих действий*, т. е. рассматривается в главе о ... **юридических фактах** (С. 100–112). Известная логика в этом есть – ведь *одни и те же* действия, будучи совершенными *различными* физическими лицами (вполне дееспособным, частично дееспособным, ограниченно дееспособным или недееспособным лицом) приобретают **различное юридическое значение**. Подобное „отделение” проблематики дееспособности от проблематики правоспособности могло бы снять давнюю теоретическую проблему – соотношения правоспособности с правосубъектностью. Тем не менее, кроме Е. В. Васьковского так никто не поступал – ни до, ни после.

Учение о корпорациях обязано проникновению в нашу литературу именно Е. В. Васьковскому (стр. 69–71); ни у Д. И. Мейера, ни у К. Д. Кавелина, ни у Г. Ф. Шершеневича его нет, а „Чтения по гражданскому праву”

Н. Л. Дювернуа еще не доведены до соответствующего выпуска. В числе признаков корпораций Е. В. Васьковский выделил такие, как (1) возникновение „только по распоряжению закона”, а не „по простому договору”; (2) „организация корпораций определяется законом, а остальных союзов – договором между членами”; (3) „имущество корпорации считается принадлежащим воображаемому лицу; имущество других союзов признается общей собственностью их участников”; (4) „приход и расход, обусловливаемые деятельностью союзов, в корпорации падают на ее имущество, не касаясь отдельных членов...”; (5) „существование корпорации (например, города) не может прекратиться по постановлению ее членов; существование товариществ и обществ может”; (6) „имущество корпорации после уничтожения ее не делится между членами, так как они являются по отношению к нему посторонними лицами; имущество остальных союзов подлежит разделу между наличными участниками соразмерно их долям” (С. 70–71). Сравнив эти черты „корпораций по Васьковскому” с характеристиками современных корпораций мы, по всей видимости, окажемся в затруднении, поскольку лиц, подобных описанию Е. В. Васьковского, мы в современных условиях просто не найдем, исключая, быть может ... *публично-правовые образования и публичные акционерные общества с государственным участием*. Это обстоятельство служит нам предостережением относительно того, стоит ли (и если да – то в каких пределах) ныне оперировать *классическими представлениями о корпорациях почти полуторазековой давности*, сложившимися в иных условиях, применительно к иным целям и задачам.

Учреждения как юридические лица – противопоставляются Е. В. Васьковским корпорациям *по содержанию олицетворяемого субстрата*: „в корпорациях олицетворяется союз, в учреждениях – имущество” (стр. 71); „уничтожение субстрата, т.е. олицетворяемого союза людей (в корпорации) или имущества (в учреждении), делает излишним фикцию” (стр. 72). Это заявление интересно и поучительно двумя моментами. Во-первых, оно доказывает заведомую неправильность традиционных попыток поиска какого бы то ни было „субстрата” юридического лица, *единого для всех типов юридических лиц*: одни юридические лица могут олицетворять собою одно, другие – другое и т. д. (и в этом смысле все многочисленные теории юридического лица – целевого имущества, коллектива, директора, государства и пр. – должны быть признаны не противоречащими друг другу, а дополняющими друг друга, поскольку они, очевидно, ведут речь о различных юридических лицах). Ну и во-вторых, оно свидетельствует о том, что *направление* в объяснении сути юридического лица – *фиктивное или реальное* – это совсем другой вопрос, нежели вопрос о его *субстрате*. Встречающийся (нередко) взгляд, ставящий теорию фикции на одну доску с теориями коллектива, директора, государства, имущества и пр., т. е. предполагающий, что *поиски субстрата* юридического лица

могут вестись только в рамках *реалистического направления* в объяснении его сущности, является вульгаризацией собственно научных взглядов.

Центром тяжести учения об объектах гражданских прав Е. В. Васьковский – в полном соответствии с духом и традициями своего времени признает **учение о вещах и их разделении на движимые и недвижимые**. Таковое признается им „очень важным” и объясняется тремя причинами: во-первых, „господство человека над землей, т. е. частью обитаемой планеты, физически не может быть таким полным и обширным, как господство над каким-нибудь стулом или палкой (Гирке)”; во-вторых, „земля – часть государственной территории; поэтому государство не может допустить, чтобы ею бесконтрольно и неограниченно распоряжались частные лица”; наконец, в-третьих – „постоянно находясь на одном и том же месте и постоянно сохраняя свою ценность, недвижимость служит наилучшим средством обеспечения кредита” (С. 78). С его точки зрения вследствие именно этих особенностей „... правоотношения частных лиц к недвижимым вещам подвергаются таким ограничениям и формальностям, каких нет причины устанавливать для движимостей”. Нельзя, конечно, сказать, что именно отсюда (конкретно – из „Учебника” Е. В. Васьковского) „**теория особой важности**” *недвижимых вещей*, если угодно – публично-правовая теория разграничения движимости и недвижимости – и берет свое начало; конечно нет. Наш автор в этом вопросе в полной мере следует Д. И. Мейеру, К. П. Победоносцеву, Г. Ф. Шершеневичу и многим другим. Как известно, эта теория распространила свое влияние не только на земельные участки (собственно недвижимости), но и на иные недвижимые вещи, в действительности под эту теорию совсем не подходящие. Верно и обратное: развитие техники привело к появлению таких *движимых* вещей (отдельных видов вооружения, химических веществ, наркотических препаратов и пр.), которые по своей значимости как минимум соперничают с вещами недвижимыми, а то и превосходят их. Иными словами, время не пощадило данной теории, наглядно доказав ее несостоятельность (что, впрочем, не мешает ей и по сию пору освящаться авторитетом университетских профессоров).

Но самое любопытное во всем этом то, что на стр. 64–66 ВТОРОГО (!) выпуска Учебника, разделению вещей на движимые и недвижимые дается несколько иное объяснение. Именно: „Движимость, по природе своей, способна к быстрому переходу из рук в руки. Установление каких-либо формальностей для этого перехода оказало бы в высшей степени пагубное влияние на экономический оборот, достигший в настоящее время чрезвычайной быстроты. ... – Другое дело – недвижимые вещи. Они обращаются медленно, обладают постоянной ценностью, легко допускают индивидуализацию и вдобавок служат лучшим обеспечением кредита. Вот почему новейшие законодательства, воздерживаясь от всяких стеснительных мер по отношению к движимости, обставляют вещные дого-

воры о недвижимости более или менее сложными формальностями” (С. 65, 65–66). Публично-правовой *критерий* „особой важности” *недвижимости* заменяется соображениями об *удобстве и интересах гражданского оборота*, т. е. вполне себе частноправовым началом. Вот в этом объяснении Е. В. Васьковского и вправду можно признать пионером, новатором.

К тому же Евгением Владимировичем выявлена и такая вот еще небезынттересная тенденция: „... практическая важность этого деления вещей [т. е. их деления на движимые и недвижимые] возрастает все более и более с развитием цивилизации и экономического оборота. В то время как римское право по отношению к движимостям и недвижимостям применяло почти одинаковые нормы, *в современных законодательствах каждому из этих видов вещей посвящены особые, во многом отличные друг от друга постановления*” (там же). О разделении гражданского права на „право [принадлежности и оборота] *движимости*” и „право [принадлежности и оборота] *недвижимости*” Е. В. Васьковский, конечно, не говорит, но именно такова высшая логическая точка выявленной им тенденции, – вершина, которая к настоящему времени, вероятно, уже давно была бы нами достигнута, если бы не 70-летний советский „перерыв” в развитии „недвижимого права” (права недвижимости).

Традиционное деление вещей на **главные вещи и вещи-принадлежности** Е. В. „разбивает” выделением еще и т. н. **придаточных вещей** – вещи, которые „... соединяются физически с другими вещами и, делаясь их частью, теряют свою самостоятельность (растение, посаженное в земле; крыша, устроенная на здании). В таком случае они носят название *придаточных (res accessoriae)*, а те, с которыми они связаны, – *главных (res principales)*. Связь между вещами может быть органической (растения с землей, плода с растением), механической (здания с землей, дверей и окон с домом, замков с дверьми) и химической (краски с сукном)” (С. 83). Автор признает известное сходство между придаточными вещами и принадлежностями – по его мнению оно „... состоит в том, что и те и другие играют по отношению к главным вещам подчиненную, вспомогательную роль. Разница между ними обуславливается характером их связи с главными: придаточные соединены прочно и более или менее постоянно; принадлежности или совсем не прикреплены, или связаны временно и легко отделимы (громоотвод на доме, зеркала на стенах). Сообразно с этим юридическое положение тех и других, с одной стороны, сходно, с другой – должно быть различно”³ (С. 84). Известно, что *выделение вещей придаточных* – за его искусственностью – *в нашей науке гражданского права так и не прижилось*; даже у современников Е. В. Васьковского мы его не находим. Неправильный ход?

³ Ниже мы увидим, что выделение придаточных вещей вызвало небольшое теоретическое затруднение, которое Е. В. Васьковскому пришлось решать на С. 119–127 второго выпуска.

– увы, думается, что да. С другой стороны ... а как же без ошибок-то? *Ergare humanum est!*

Деление вещей на родовые и приобретенные (С. 88–94) – Учебник Васьковского первый, и пожалуй, единственный источник в нашей учебной литературе, где это разделение описывалось бы, с одной стороны, достаточно коротко (шесть страниц для такого путаного и архаичного уже на тот момент материала – это очень немного); с другой – полно и ясно. В этой тематике как ни в какой другой ярко видны те черты, которые столь выгодно отличают изложение Е. В. Васьковского от конкурирующих учебников его современников – и Д. И. Мейера и Г. Ф. Шершеневича (коротко и неполно, а оттого не совсем и понятно); и от К. Н. Анненкова (длинно, тяжеловесно и неясно), и от К. П. Победоносцева (если внимательно читать – то понятно, но очень длинно) и т. д.

Общее учение о гражданском правоотношении (С. 96–99) – предлагается Е. В. вниманию читателей практически в нынешнем виде и притом весьма напоминает изложение его у Г. Ф. Шершеневича. У Д. И. Мейера общего учения о правоотношении не было. Из отличительных его качеств надо указать на чрезвычайно аккуратное, тщательное определение сути т. н. **правовых последствий** (ныне все дело ограничивается одними названиями – „возникновение, изменение, прекращение гражданских правоотношений”, без всяких разъяснений того, а что это вообще такое). Заслуживает также быть отмеченной **классификация юридических фактов**, точнее – фактов-действий: они разделяются не просто на сделки/правонарушения (как, скажем, у того же Г. Ф. Шершеневича), а сперва на *дозволенные/недозволенные*; затем действия *дозволенные* – делятся на *умышленные* (сделки) и *неумышленные* (иные; сейчас они называются юридическими поступками); *недозволенные* же (правонарушения) – на *случайные, неосторожные* и *умышленные*. Не то что в дореволюционном или советском – не в каждом современном учебнике есть такая классификация.

Действительность и недействительность сделок (С. 113) определяются Е. В. Васьковским следующим образом: „... сделка называется *действительной*, если она *ведет* к соответствующим юридическим последствиям, и *недействительной*, если эти последствия *не наступают*”. Это – и первый (по всей видимости) в нашей литературе случай, с одной стороны, **ясного определения двух очень важных в практическом отношении понятий**, а с другой – почва для **концептуального внутреннего противоречия учения о сделках как деяниях дозволенных**: ведь если сделка – деяние дозволенное, то по каким причинам законодатель мог бы отвергнуть намеченные ее сторонами юридические последствия? Там же, на С. 136 это противоречие усугубляется: оказывается, что бывают *сделки противозаконные* – деяния, которые, очевидно, никак не могут быть в то же самое время характеризоваться как „дозволенные”. Увы, это противоречие не только не было сво-

евременно вскрыто старой цивилистической гвардией, но и перекочевало в советскую литературу, удержалось в ней, несмотря на критику со стороны М. М. Агаркова в 1946 г., и ... продолжает господствовать в литературе современной, несмотря ни на какую критику.

Интересно, что материал об *основаниях недействительности сделок*, коренящихся в дефектах воли, Е. В. Васьковский обсуждает в особом параграфе под заглавием „Наличность воли” (§ 12, С. 113–121), отличающемся от параграфа о *недействительности сделок* (§ 15, С. 135–139); в последнем же рассматриваются такие вопросы, как (1) деление сделок на ничтожные и оспоримые („опровержимые”); (2) деление ничтожности на (а) первоначальную и последующую, (б) абсолютную и относительную, (в) полную и частичную; (3) о превращении (конверсии) ничтожных сделок; (4) о первоначальной и последующей оспоримости и (5) о ничтожных и оспоримых сделках по тогдашнему российскому законодательству. К этим страницам следует прибавить еще С. 125–126, где обсуждается проблема соответствия воли действительной и воли изъявленной, т. е. проблема *мнимых и притворных сделок*. Конечно, в последующем все эти элементы были постепенно собраны и „упакованы” в единый институт недействительности сделок. Но воззрение Е. В. Васьковского, не стесненного современными стереотипами, продолжает играть роль этакого астрального колокольчика, „звоночка”, который напоминает и напоминает сейчас: *институт недействительности сделок – искусственная выдумка, имеющая чисто прагматические цели и не вписывающаяся в гражданское право*.

Правила толкования сделок (С. 126–128) рассматриваются автором в сравнении с правилами толкования законов (!!!) – кажется, это единственный такого рода случай в наших классических учебниках. В сноске на стр. 126 читатель отсылается к литературе по толкованию законов, но в основном тексте при этом делается отмечается, что „... *сделки требуют более строгого толкования, чем законы*. Основным правилом при этом является следующее: если слова сделки не возбуждают сомнения, то она должна быть понимаема в буквальном смысле. Таким образом, *толкование применяется не всегда, а только в случае возникшего сомнения*. Вот первое важное различие между законами и сделками”. Как известно, именно такое отправное положение заложено в ст. 431 ныне действующего ГК РФ; при этом не уточняется, а у кого должно возникнуть пресловутое „сомнение” и что оно вообще собою представляет? Вот, один участник сделки заявляет другому: в статье такой-то нашего с тобой договора прямо написано, что ты мне должен! А другой ему на это отвечает: а я там ничего такого не вижу! Наоборот, я совершенно уверен, что статью эту надо понимать совсем в противоположном смысле: я не только ничего тебе не должен, но и напротив, ты должен мне. Как этот случай понимать? Как сомнение? Но чье? Ведь ни одна сторона в правильности своего понимания договорного

условия ничуть не сомневается. Да и может ли вообще понимание какого бы то ни было договора обойтись без ... его толкования?

Параграф 14 (С. 128–135) посвящен рассмотрению **случайных элементов содержания сделки**, а именно – (1) условия; (2) срока и (3) возложения обязанности. В этом отношении Е. В. Васьковский, безусловно следует традиции, заложенной Д. И. Мейером (то же, кстати, делает и молодой Г. Ф. Шершеневич). Как известно, в нашей современной литературе все три эти элемента оказались слиты и объединены в одно понятие – **условия в сделке** (см. ст. 157 ГК). От этого возникла масса недоразумений, главное из которых – подведение под понятие **условий** не только **условий в строгом смысле этого слова** (оговорок об обстоятельствах, независящих от сторон, и относительно которых неизвестно, наступят они или нет), но и других случайных элементов содержания сделки, а именно – оговорок о **сроках** („в течение 10 дней от даты выставления счета ...”) и **возложениях** („в течение 10 дней со дня исполнения обязанности оплаты товара ...”). Думается, что и нашим ученым, и уж тем более – практикам (судьям, консультантам) было бы нелишне в данном вопросе, возвратиться, что называется, к истокам, в том числе – к тому из них, что называется „Учебникам гражданского права” Е. В. Васьковского.

Опять же, вслед Д. И. Мейеру и вместе с Г. Ф. Шершеневичем Е. В. Васьковским поднят и обсужден вопрос о **юридических последствиях сделки под отлагательным условием**: „Сделка, имеющая отлагательное условие, считается *вполне совершившейся* только с момента наступления этого условия. До того времени она находится в *неопределенном положении*; она уже существует, но *юридические [!!!] последствия ее отложены* на неопределенное время и поставлены в зависимость от будущего обстоятельства. Положим, например, что кто-либо обязуется купить у другого пару лошадей, если тот наймет в его доме квартиру. Пока это условие не исполнено, до тех пор право собственности на лошадей и право пользования квартирой остаются за прежними собственниками; однако **оба контрагента уже связаны договором; они не смеют распоряжаться по своему произволу лошадьми и квартирой, а должны сохранять их на случай исполнения условия**. Если один из них нарушит договор, т.е. продаст лошадей или отдаст квартиру постороннему лицу, то другой может предъявить к нему иск об убытках за неисполнение договора. – *Нерешительное состояние сделки* прекращается в тот момент, когда условие исполнится или не исполнится” (С. 130–131)⁴. Термин „вторичные права” нашим цивилистам

⁴ Сходный вывод в том же, 1894 г., сделал в своем „Учебнике” (С. 112) и Г. Ф. Шершеневич: „Лицо, обязавшееся под условием, не вправе препятствовать наступлению условий ... Отсюда необходимо заключить, что *отлагающее условие устанавливает юридическое отношение с момента его назначения, но только отношение это отлично от того, которое возникает с наступлением условия*”. – Этот (новый в нашей литературе взгляд) существен-

еще неизвестен, но термины „связанность договором”, „неопределенность положения”, „нерешительное состояние” – уже, как можно видеть, имеются налицо; обозначаемое ими понятие противопоставлено таким юридическим отношениям, как переход права собственности и возникновение права нанимателя. Что это означает? Только то, что пресловутое „нерешительное состояние” также признано одним из видов *юридических* последствий, нарушение которого дает право на убытки. Да, последствие это не столь категоричное, какими обычно они бывают; да, выражается оно, по всей видимости, не в субъективных правах и юридических обязанностях, но ... их именно *юридический* характер не подлежит сомнению.

Соучастие и представительство (С. 139–146) – следующая тема в „Учебнике”. Ну, вопрос о представительстве для нас привычен; но при чем тут соучастие и что это вообще такое? Е. В. Васьковский определяет „соучастников” как „лиц, участвующих в совершении сделки” и разделяет их на три группы. „Одни действуют в своем собственном интересе и принимают на себя все последствия сделки. Их принято называть *сторонами* или *контрагентами*. Другие *только присутствуют при совершении сделки и остаются чужды ее последствиям*. Это *соучастники*. Наконец, третьи действуют от имени контрагентов, заменяя их вполне при заключении сделки, причем ее последствия переходят не на них, а на самих контрагентов. Они носят название *представителей*” (С. 139). Кто же это такие – при совершении сделки присутствуют, а последствиям ее „остаются чужды”? Оказывается, соучастники – посторонние лица, – содействуют заключению сделки (С. 140), причем, содействуют они двумя способами – *фактическим*, „... если не влечет за собой юридических последствий” (это „... деятельность всякого рода посредников (факторов, маклеров, переводчиков) и советников (юрисконсульты)”), и *юридическим*, „... если отражается на силе и действительности сделки” (там же). „Юридическое соучастие может быть *необходимым*, если оно предписано законом, и *добровольным*, если предпринимается по желанию контрагентов. Необходимое соучастие, в свою очередь, разделяется на *материальное* и *формальное*. Первое касается самого содержания сделки. Так, например, для вступления в брак необходимо в некоторых случаях согласие родителей, опекунов или начальства. Второе относится к форме заключения сделки. Таково участие нотариуса, свидетелей и пр.” (С. 140).

но отличался от прежнего, формулированного, в частности, Д. И. Мейером, который находил вопрос о последствиях сделки с отлагательным условием „довольно затруднительным” и сравнивал состояние участников такой сделки до разрешения условия „... с договором, окончательно еще не совершенным, но о заключении которого идут переговоры: как здесь неизвестно пока еще, последует ли соглашение контрагентов, так и в сделке суспензивно-условной неизвестно, наступит ли факт, обуславливающий ее бытие” (см. С. 151–152 учебника Д. И. Мейера издания 1873 года).

Думается, излишне говорить о том, что в нынешнем российском гражданском праве (да и в гражданском праве Российской Империи, современном Е. В. Васьковскому) пресловутые „соучастники” особо никогда не рассматривались и не рассматриваются; больше того, не изучаются они, строго говоря, и самим Евгением Владимировичем – скорее, они просто им называются: да, мол, и такие бывают. Очень жаль, что это так, поскольку именно в проблематику *соучастия* было бы вполне логично включить вопрос не только о *третьих лицах, дающих согласие* на совершение сделки (а найти ему какое-то место необходимо, ибо соответствующие нормы у нас теперь имеются в ГК РФ), но и о лицах, осуществляющих поиск потенциальных контрагентов, их сведение вместе и подготовку заключения сделок, т. е. вопрос о *посредниках и посредничестве* – вопрос, считающийся чрезвычайно „неудобным” для гражданского права именно из-за отсутствия для него надлежащего места.

В *учении о представительстве* Е. В. Васьковский различает (С. 140–141) вслед за своими современниками – (А. О. Гордоном, Л. Н. Казанцевым, Н. О. Нерсесовым) представительство *фактическое* или *естественное* – т. е. передачу „чужой воли”, а точнее – доведение до адресата акта чужого волеизъявления, и *юридическое* – „представительство в воле”, т. е. собственно представительство в современном смысле. Ученый обращает внимание, что представительство не ограничивается только *заключением сделок* – так, может иметь место и представительство, например, в суде; следовательно, – заключает он, – помещение учения о представительстве в главу о сделках, как это традиционно делается (например, Д. И. Мейером), неправильно (С. 141). Е. В. Васьковский – один из немногих авторов, рассказывающий не только о самом институте представительства, но и дающий сведения об истории его становления (С. 142–143) и теориях основания представительства (С. 145–146) – теориях фикции, закона, „двух сделок представляемого” и передачи чужой воли – сведения, минимально необходимые для уяснения сущности и функционального назначения представительства. При этом сам Е. В. Васьковский не согласен ни с одной из них – он и выдвигает свою собственную – плюралистическую – теорию, допускающую возможность различных оснований для разных видов представительства; так, основанием представительства договорного он считает договор представителя с представляемым.

Учение о юридических фактах-событиях. К числу *событий* – юридических фактов, не зависящих „от воли заинтересованных лиц” – Е. В. Васьковский относит течение времени, в т. ч. *давность* и иные установленные законом *сроки* (С. 146–150). Кажется, он единственный в нашей литературе дает ясное определение различия между сроками давностными и пресекательными: „... при *давности* право уничтожается вследствие *непользования* им в продолжение установленного времени, а при [*пресекательном*,

преклюзивном или, как его называет Е. В. – „прекратительном”] *сроке* – вследствие простого *истечения* известного периода времени” (С. 148). Даже если обладатель права, ограниченного пресекательным сроком, пользовался им, это не имеет никакого – ни приостанавливающего, ни прерывающего – значения: срок истечет и право прекратится. Интересно, что в разделе о *сроках* Е. В. Васьковским излагается учение о *давности как таковой*, а вот институт давности *исковой* рассматривается им далее (С. 162–164), в учении о *судебной защите* прав.

В учении Е. В. Васьковского **об осуществлении гражданских прав** замечательно буквально все, начиная с самого наличия такового. Ни у Д. И. Мейера, ни у Г. Ф. Шершеневича подобного материала мы не находим. Самое же интересное в нем – это проблематика *столкновения* или *коллизии* субъективных прав – то есть попыток такого осуществления нескольких прав, принадлежащих одному и тому же субъекту (*субъектная* коллизия)⁵ или нескольких прав, установленных на один и тот же объект (*объектная* коллизия), при которых *осуществление одного права исключает осуществление другого и наоборот*; разумеется, автор предлагает и правила разрешения таких коллизий (С. 151–152). Нигде в нашей литературе (тем более – современной), не исключая, кстати сказать, и специальных монографических исследований на сей счет, ничего подобного не обсуждается.

Там же, т. е. в рамках *учения об осуществлении прав*, Е. В. Васьковский рассматривает понятие **иска в материальном смысле** и определяет его как „... *самое требование, подлежащее судебному осуществлению*”, „... *существляемое судебным путем требование*” (С. 154), указывая, что „... *отличительная черта прав состоит* [как раз] *в том, что они допускают принудительное осуществление*”, что „... *в самом понятии права заключается возможность понудительного осуществления его*” (там же). „В применении к гражданским правам это означает, что *в защиту каждого гражданского права может быть предъявлен судебный иск* или, как принято говорить, *что каждое гражданское право имеет иск*” (там же). „Правосознанию современных народов иск представляется просто элементом права, внешней его оболочкой, броней, которой оно защищено от нападения. Иск без права – ничто; это скорлупа без ядра. Право без иска – ненадежная и непрочная вещь, мягкое ядро, не защищенное скорлупой” (С. 155). Таким образом, **иск** (по Е. В. Васьковскому) – **есть само субъективное гражданское материальное право** [из контекста и из дальнейшего изложения (С. 156–158) очевидно, впрочем, что не всякое, а *только нару-*

⁵ Странно, что коллизии субъектного типа не разделены Е. В. на коллизии (а) *активные* и (б) *пассивные* – несколько прав, (а) принадлежащих одному лицу и (б) в отношении одного лица (то, что обыкновенно обсуждается в рамках учения об очередности удовлетворения требований кредиторов). Разделение это, можно сказать, напрашивается само собою.

шенное, или, вернее, только такое субъективное право, которое встретилось с препятствиями в своем внесудебном осуществлении – „... когда фактическое состояние начинает не соответствовать праву”], **подлежащее судебной защите**. Говоря современным языком, Е. В. Васьковский – сторонник учения, *противостоящего* современной теории регулятивного и охранительного права – теории, разделяемой, между прочим и нами. Но не это главное; главное в том, что вот уже более ста лет, как Евгением Владимировичем Васьковским (именно им – ни у Д. И. Мейера, ни у Г. Ф. Шершеневича ничего подобного нет) найдено **абсолютно логичное и адекватное место изложению материальной стороны учения о гражданском иске**. К сожалению, ни один из советских и современных учебников гражданского права этой тематике никакого внимания не уделяет; учение об иске – даже с его материальной стороны – считается сугубым уделом процессуальной науки.

Там же, то есть в рамках рассмотрения учения об иске, Е. В. Васьковский находит место для того, чтобы рассказать о **предполагаемых и признанных фактах** – презумпциях и актах признания (С. 158–160), то есть о материалии, в иных учебниках гражданского права обычно не излагаемой. То же замечание касается институтов **возражений** (С. 164–166), **встречного иска** (С. 166) и так называемых **суррогатов судебного решения** – *мировой сделки и решения третейского суда* (С. 168–169). Что это? – стремление практикующего адвоката и будущего процессуалиста наводнить учебник материального права близкими и интересными ему процессуальными вопросами? Ни в коем случае! – это лишь стремление очертить гражданско-правовые материальные последствия реализации процессуальных прав, применения процессуальных средств, институтов и конструкций. Тематика, в современных учебниках напрочь отсутствующая.

Наконец (в завершение обзора первого выпуска „Учебника”) нужно сказать, что Е. В. Васьковский – один из, кажется, совсем небольшого числа авторов-сторонников **необходимости доказывания не только положительных, но и отрицательных юридических фактов**, типа неисполнения договора и проч. (С. 160–161). Но как же такое доказывание можно было бы произвести? – ведь то, чего в жизни не происходило, никак не может оставить по себе материальных следов – доказательств; стало быть, и предъявить в качестве доказательств этого „чего-то” (чего не было) просто ... нечего. К сожалению, никаких разъяснений на сей счет ученый не оставил.

* * *

Второй (и последний) выпуск „Учебника”, к обзору которого сейчас мы и переходим, вышел двумя годами позднее первого – в 1896 году. Он посвящен проблематике вещных прав; по объему – на несколько страниц превышает первый выпуск; по оформлению – выдержан в том же авторском ключе и стиле, хотя, быть может, кажется написанным чуть более сухим,

академическим языком. По содержанию – как минимум, столь же богат, что и первый, – рассказывать о его положительных и (увы!) отрицательных сторонах можно довольно долго – в связи с чем я постараюсь несколько укрупнить свой обзор, то есть произвести его, не особенно вдаваясь в детали – иначе статья моя рискует превратиться в брошюру. Итак, приступим.

Первая же тема выпуска – „**Очерк теории владения**” (С. 4–15), – „режет глаз” сама по себе, безотносительно к своему содержанию, поскольку в наших современных учебниках данная тематика до сих пор обходится молчанием. Видимо, наши авторы ждут, когда соответствующий материал попадет в Гражданский кодекс. „Очерк” рассматривает следующие вопросы: (1) понятие владения (С. 5–15), (2) юридическая природа владения (С. 15–19), (3) основание защиты владения (С. 19–23), (4) владение правами (С. 23–26); к нему прибавляется два очерка положительного права: (5) владение по иностранным законодательствам [Рим – все иные современные] (С. 26–38) и (6) владение по русскому праву (С. 38–57). К сожалению, учение Е. В. Васьковского о владении составляет, пожалуй, самое слабое место второго выпуска его „Учебника”, ибо выводы самого Е. В. Васьковского по первым четырем (теоретическим) вопросам являются более чем неопределенными. Это очень жаль и само по себе и вдвойне жаль оттого, что речь идет, так сказать, о „передовице” – о теме, открывающей второй выпуск – и к тому же, о теме, одной из самых резонансных в цивилистической науке. Добротному исследователю владения многое прощается; слабая же разработка владения бросает нехорошую тень на всю другую работу в целом.

Так, говоря о *понятии владения* Е. В. Васьковский пишет, что „общего согласия” по этому вопросу „... до сих пор в литературе не установилось” (С. 15); что „... наше право считает владением и защищает всякое *фактическое господство над вещью*, независимо от того или иного направления воли владельца. Не таково, однако, господствующее в нашей литературе воззрение. Большинство авторов, ... пришли к выводу, будто наше право признает *владельцами только тех лиц, которые имеют намерение обладать вещью, как своею собственностью*” (С. 40). То есть, получается так: в законе – одно; в его толковании – другое; и ... и что же? Как же – с точки зрения автора – правильно? Увы, об этом нет ни слова. Естественно, что не решив вопроса о том, а что вообще такое владение, невозможно решить и следующего вопроса – о его *юридической природе*. Логичны, следовательно, и столь же неопределенные замечания автора по этому вопросу: вроде бы он соглашается с тем, что *владение – это право*, но ... тут же делает оговорку: это право лишь в *социологическом понимании* субъективного права С. А. Муромцева. „Если право, как юридическое отношение, есть естественное отношение, защищаемое авторитетом общественной власти против произвольного нарушения, то под это определение подходит

и владение” – пишет Е. В. Васьковский (С. 19). Однако по русскому праву – добавляет он – владение признается *фактом* (С. 42, 48, 49).

Столь же расплывчаты указания ученого по проблеме *основания защиты владения* – Бог его знает, в чем оно состоит! „Еще более разноречивы [чем т. з. по вопросу о квалификации владения – факт оно или право] ответы современных юристов на вопрос, почему право дает владению защиту” (С. 19) – пишет он, после чего ... просто пересказывает основные на сей счет теории с их многочисленными оттенками. Помощь ученому приходит (позволяя отказаться от попыток сформулировать собственное мнение) оттуда, откуда ее можно было бы меньше всего ожидать – со стороны Законов Гражданских (тех самых, которые „... ниже не только гражданских кодексов римского и западноевропейских, но ниже Литовского Статута и даже ниже уложения царя Алексея Михайловича”): „По нашему праву защита владения является следствием запрещения насилия и самоуправства (X, 531, 690, 691)” (С. 52). Впрочем, источником соответствующих статей т. X ч. 1 как раз и послужило Уложение 1649 года.

Ну а что же с последним вопросом – о *владении правами*? „Исходя из того что под владением понимается полное фактическое господство над вещью, соответствующее господству по праву собственности, юристы стали называть *квази-владением* частичное и ограниченное господство, которое составляет содержание какого-либо иного права” (С. 23) „... о квази-владении говорят, когда фактическое господство воли над вещью касается только того или иного из ее отдельных отношений” (С. 26), „... другие ученые высказываются против подобного обобщения понятия владения и признают *квази-владение* не видом владения вообще, а совершенно самостоятельным явлением, представляющим только сходство с владением вещами” (там же); „... *понятие владения правами* нашему законодательству неизвестно” (С. 49). Если так, – то при чем тут квази-владение? Или, быть может, как раз именно он и должен был составлять четвертый вопрос теории владения, а вопрос о владении правами рассматриваться уже в качестве его более мелкого подразделения? Не знаю; такое ощущение, что автор попросту слегка запутался.

Но – идем дальше! – тем более, что чем дальше – тем становится много лучше. Вот общее определение **вещных прав** по Е. В. Васьковскому: „*Вещное право есть известная мера власти, предоставленная лицу объективными нормами непосредственно над вещью*” (С. 57), с последующим (С. 57–61) подробнейшим раскрытием каждого из его признаков: (1) непосредственность; (2) абсолютность содержания; (3) возможность нарушения всяким и каждым; (4) абсолютность защиты; (5) реализация активными действиями управомоченных лиц, а не поведением (воздержанием) лиц обязанных. Думается, что и само это определение и его признаки в полной

мере могли бы быть использованы и в современном гражданском праве⁶, за исключением, может быть, последнего только аспекта – противопоставление (!) активных действий управомоченного лица пассивному воздержанию обязанных, тем более объявление тех и других различными понятиями (!) о вещном праве⁷. Речь идет, конечно, не о двух понятиях, а в лучшем случае, о двух определениях одного и того же понятия, определениях, данных с различных сторон – активной и пассивной. Точно также и обязательство можно определить как „через требование” (через активную сторону, через кредитора), так и „через обязанность” (через пассивную сторону или через должника).

Перечень вещных прав (С. 62–64) по Е. В. Васьковскому включает в себя: (1) право собственности; (2) сервитут и (3) залог – три вещных права, названные Е. В. Васьковским „общепризнанными” (см. об этом, кстати, „Учебники” Д. И. Мейера и Г. Ф. Шершеневича, других вещных прав вовсе не знающие), а также (4) бессрочное наследственное пользование землей; (5) суперфиций (право застройки); (6) вещные повинности и (7) вещное право преимущественной покупки недвижимости. Тот, кто хоть сколько-нибудь следит за российской юридической литературой и реформой российского ГК, тот сразу скажет, что этот перечень он уже где видел, и что он что-то такое ему напоминает. Да, действительно видел, например, в работах Е. А. Суханова, а также в законопроекте № 47538-6/5, направленном на внесение изменений и дополнений в нормы Гражданского кодекса о вещных правах. Словом, перечень вещных прав Е. В. Васьковского – это тот самый перечень, к которому вот уже много лет пытаются склонить юридическую общественность современные российские ученые и которому предлагается следовать законодателям. Почему так? Потому что это перечень, сформировавшийся в рамках *германской правовой традиции*, – иконы и путеводной звезды российской цивилистики по мнению отдельных ее представителей. Как видим, Е. В. Васьковский в смысле пребывания под обаянием германистики, исключения не составлял⁸.

⁶ Кстати, об абсолютности содержания. Именно в „Учебнике” Е. В. Васьковского впервые встречается уподобление вещного права как права абсолютного, „... сильному электрическому току, [который] пробегает по всему человечеству”, – сравнение, получившее широкую известность в советское время благодаря статье В. К. Райхера 1928 г. и возрожденное в современном отечественном правоведении благодаря недавней перепечатке этой статьи в „Вестнике гражданского права”. Е. В. Васьковский честно признается (С. 61), что сравнение это им не придумано, а заимствовано у Йозефа Колера.

⁷ О себе Е. В. Васьковский пишет, что он примыкает к определению первому, считая, что „... вещное право ... [есть] *непосредственное господство над вещью относительно всех посторонних лиц*” (С. 61), а не „... господство одного лица над всеми другими относительно определенной вещи” (там же).

⁸ Впрочем, в своем „Учебнике” он ограничился рассмотрением содержания только трех первых – традиционных – вещных прав – собственности, сервитутов и залога.

Следующим пунктом своего внимания Е. В. Васьковский делает четыре главных **системы регистрации** вещных прав и сделок с ними – (1) систему *отметок и записей* (инскрипций и транскрипций), или французскую систему; (2) *ипотечную* систему в собственном смысле слова или систему старо-германскую; (3) *поземельную, вотчинную* или ипотечную в широком смысле слова – новую немецкую (или прусскую) систему, а также (4) систему *крепостную* или русскую. О них дается сперва обзорный (С. 66–67) рассказ, а применительно к двум последним системам – подробный (С. 68–71, 71–74). Это и понятно, так как четвертая система в современной ему России уже действовала, а третью – прусскую – в то время предполагалось ввести. Вот как раз применительно к системе номер три ученым был сформулирован ряд принципов, а именно – (1) обязательного внесения; (2) публичности – гласности (общедоступности и публикации) и достоверности; (3) законности; (4) специальности и (5) старшинства; можно добавить, что ее предметом является регистрация *прав* (а не сделок и не актов, как в нашей, собственно русской, крепостной системе). Излишне говорить, что и мы вот сейчас имеем возможность наблюдать *практику внедрения именно такой, прусской системы регистрации прав на недвижимость*, в современной России.

Изложение учения о **праве собственности** Е. В. Васьковский начинает с более чем дюжины его определений, почерпнутых из работ различных авторов и законодательств (С. 75–78) с последующим (С. 78–80) подробным разбором определения из ст. 420 русских Законов Гражданских. Вывод по результатам сопоставления этих определений: „... нетрудно заметить, что общепризнанными являются два обстоятельства: во 1-х, что право собственности дает лицу **наиболее обширное и полное юридическое господство над вещью** и во 2-х, что это господство должно быть **ограничиваемо** и на самом деле **ограничивается в некоторых отношениях ради интересов общежития**” (С. 77–78). Ничуть не споря с содержанием сказанного позволю себе заметить, что второй аспект (насчет ограниченности) применим, конечно, в равной степени не только к праву собственности, но и ко всем вообще субъективным частным правам.

По вопросу о **содержании права собственности**, пожалуй, именно Е. В. Васьковский впервые в нашей литературе высказал **агностическую точку зрения**: „Так как право собственности предоставляет своему обладателю возможность всяческого воздействия на вещь, лишь бы только это воздействие не было воспрещено законом и не нарушало прав других лиц на ту же вещь, то **точно определить содержание права собственности невозможно**” (С. 81). В подтверждение этой – чисто логической – гипотезы автор производит небольшой обзор некоторых (неуспешных, надо признать) попыток его определения (С. 81–82) и подробнейший (С. 82–91) разбор **законных ограничений** права собственности – факторов, способствующих самым непредсказуемым видоизменениям его содержания.

Далее им формулируется мнение о том, что по своему содержанию **право собственности есть понятие единое целое и неделимое**, а потому – приходит к выводу о **невозможности существования каких бы то ни было видов права собственности**, называя его (кстати) „общепризнанным” (С. 91, 92). Думается, что наряду с этим (не совсем уж общепризнанным) выводом, следовало бы сделать и другой, столь же неоднозначный: **вывод о невозможности раздробления права собственности на какие бы то ни было правомочия**⁹.

В учении об **общей собственности** Е. В. Васьковский обращает внимание на необходимость ее различения как *одного* права собственности на *один объект*, принадлежащего *нескольким лицам*, с правами **общественной** или **общинной** собственности, в которых собственник – *один*: им является общество или община – соединение людей (С. 95–96), а также с *правом чересполосного владения* (С. 96–97). Примечателен и весьма подробный (на фоне современных учебников) разбор вопроса о **предмете разделения** в праве общей собственности¹⁰ – делится ли между сособственниками само право собственности, либо делится его объект (хотя и не физически, а чисто интеллектуально, умозрительно, мысленно), или, же, наконец, разделению подвергается экономическая ценность объекта права общей собственности; далее рассматриваются комбинированные воззрения и русское законодательство (С. 97–98), а также вопросы о возникновении, осуществлении и прекращении права общей собственности (С. 98–100, 100–101, 101–102). Интересно, что как и в случае с учением о владении Е. В. Васьковский ограничивается изложением различных чужих мнений по спорным вопросам, но своего не формулирует. С одной стороны – это правильно, ибо перед нами учебник, а учебник – не трибуна для полемики; но с другой ... а научатся ли учащиеся рассуждать, если будут учиться по простым справочникам?

Далее рассматривается тематика о **динамике права собственности**. Один из „вечных” вопросов гражданского права – о критерии разделения способов приобретения права собственности на **первоначальные** и **про-**

⁹ Итог рассуждениям: „... полнота или неполнота права собственности представляют собой только временную, преходящую квалификацию его: право собственности каждого лица может быть в течение одного периода времени полным, в течение другого – неполным, затем опять полным и т.д. Следовательно, право собственности всегда остается по существу одним и тем же высшим и обширнейшим господством над вещью; только степень этого господства более или менее изменяется в зависимости от прав посторонних лиц на имущество собственника” (С. 93); „... и по нашему законодательству право собственности является в сущности единым” (С. 94).

¹⁰ Из такой постановки вопроса видно, что Е. В. Васьковский отождествляет *право общей собственности вообще* с правом общей *долевой* собственности; права общей *совместной* собственности ему вовсе неизвестно и в „Учебнике” не обсуждается.

изводные – Е. В. Васьковский решает в пользу критерия правопреемства (С. 105).

Весьма любопытным, не встречающимся более ни в каких других учебниках, является предпринятый Е. В. Васьковским экскурс в область прежде существовавших теоретических затруднений в области конструкции **находки как способа приобретения права собственности** – о теориях сокращенной давности, перехода права собственности по судебному решению и оккупации – по итогам которого он приходит к выводу о том, что не годится ни одна из таких теорий и что находка, следовательно, есть *самостоятельный способ приобретения права собственности*, ни к одному другому несводимый (С. 112–113). Другие цивилисты исходят из этого обстоятельства как из данности, спокон веков всем известной и однозначно установленной; Е. В. Васьковский уточняет, что это не совсем так. Кроме того, Е. В. Васьковский впервые предлагает четко отличать находку от **задержания безнадзорных животных**, ибо по нормам современного ему русского законодательства „право собственности на скот ни в каком случае не приобретается путем пригула” (С. 114), а также от **открытия клада** – вещей не потерянных, а умышленно сокрытых (С. 115).

Далее, на стр. 118–127 Е. В. Васьковский подробнейшим образом рассматривает такой способ приобретения ПС, как **приращение**, куда относит как *собственно приращение* (к недвижимым вещам), так и *соединение* (например, краски с сукном) – приращение к движимостям – способ, в нашей современной литературе достаиваемый внимания только применительно к римскому праву, а в рамках учебников по гражданскому праву не обсуждаемый совсем. Думается, что помещение этого вопроса в „Учебнике” Е. В. Васьковского объясняется спецификой его взглядов на классификацию вещей – вспомним выделение вещей, названных им *придаточными* (С. 83–84 первого выпуска Учебника) – вещей, которые при соединении с другими (главными) хотя и утрачивают свою самостоятельность, но (по Васьковскому) все же остаются вещами, а значит – требуют объяснения того, на каком основании они поступили в собственность лица, которому принадлежит главная вещь. Соединение – вот это основание – разрешает созданное им же самим (!) затруднение автор.

Менее, и все же достаточно подробно рассмотрению подвергается такой способ приобретения ПС, как **отделение плодов** (С. 127–129) – в современных (да и в других, кроме Е. В. Васьковского, дореволюционных) учебниках по гражданскому праву также в лучшем случае только упоминаемый, но не рассматриваемый или рассматриваемый не полностью. Почему-то эта тематика считается прерогативой права римского.

Оттуда же (из римской тематики) Е. В. Васьковский заимствует учение о **спецификации** или **переработке** как основании приобретения права собственности. Но, опять-таки, ничего кроме справочника, мы здесь не

находим: автор подробно излагает существо воззрений *сабинианцев* и *прокульянцев* в их сравнении друг с другом, со смешанными и более поздними решениями вопроса по различным законодательствам и мнениям различных авторов (С. 130–132), но своего мнения не формулирует.

Среди способов возникновения права собственности Е. В. Васьковский особо рассматривает **передачу вещи** (традицию). В этой связи им дается сравнительное изложение *двух „систем перехода ПС на движимость”* – „в форме *римской традиции* (германской системы)” (Германия, Австрия, Испания, Голландия, Швейцария) и той, „... для которой достаточен *простой договор* (англо-французской системы)” (Франция, Бельгия, Италия, Португалия, Англия и США) (С. 135–136). Судя по дальнейшему анализу русского законодательства, предпринятому автором на С. 136–138, именно к этой – англо-французской, а вовсе не германской – системе должно быть отнесено и законодательство России. Очень любопытный вывод – со всех точек зрения, начиная от толкования ст. 223 и 224 современного ГК РФ, и кончая понятием договора купли-продажи.

Е. В. Васьковским выделяется еще один способ приобретения права собственности – как раз из числа тех, что в настоящее время широко обсуждаются, – его **добросовестное приобретение**. Е. В. Васьковский рассматривает его на С. 154–159 второго выпуска своего „Учебника” под наименованием **„Квалифицированное овладение”**. Причем, рассмотрение ведется отнюдь не в полемическом ключе, а как нечто, само собою разумеющееся. Так, сперва рассматривается его историческая эволюция, затем дается сравнительная характеристика по законодательствам разных стран и, наконец, делается общий вывод в том смысле, что „... все законодательства стремятся оградить в большей или меньшей степени интересы лиц, добросовестно приобретающих движимые вещи от несобственников” (С. 156). Изложение догматическое пополняется объяснениями (чисто практическим и макро-экономическим (политико-правовым)), а также теоретической конструкцией, направленной на решение „противоречия” между данным способом приобретения права собственности с одной стороны и римской аксиомой насчет того, что никто не может передать прав больше, чем имеет сам, с другой. „... Наиболее правильное воззрение, – пишет в этой связи автор, – состоит в том, что добросовестный приобретатель получает право собственности в силу особого, неизвестного римскому праву способа ...” (С. 157)]. Отдел завершается изучением положений на сей счет, содержащихся в русском праве. Применительно ко всем этим рассказам и рассуждениям возникает, конечно, очень много всяких мыслей – от поговорки насчет того, что всякое новое есть хорошо забытое старое, до трудно сдерживаемого возмущения: если уже более ста лет назад Е. В. Васьковский считал добросовестное приобретение права собственности явлением всем давно известным и не вызывающим сомнения, то почему же этому способу приоб-

ретеня права собственности все еще приходится прокладывать себе дорогу через тернии современной российской цивилистической доктрины?

А вот способ прекращения права собственности, в современных учебниках также слабо освещаемый, но служащий предметом пристального внимания Евгения Владимировича. Это – **экспроприация** (С. 162–166). Наиболее подробно обсуждается вопрос о ее юридической природе, а именно – является ли экспроприация *принудительной куплей-продажей* (по мнению Е. В. Васьковского нет, т. к. купля-продажа не может быть принудительной – предполагает свободу совершения), или же *актом реализации властного полномочия* (тоже нет, т. к. экспроприация дает право на полное возмещение убытков), или же она есть смешанный частно-публичный акт. Именно с этой теорией и соглашается автор: экспроприация – есть *вредоносное, но правомерное (законное) действие*, влекущее обязанность возмещения причиненного им вреда. В этом смысле экспроприация весьма сходна с **крайней необходимостью** – правом публично-правового образования на принудительное изъятие (отобрание) некоторых вещей с вознаграждением по определенным тарифам (таксам), а то и вовсе безо всякого вознаграждения (С. 166–167), – институтом, от которого ее нужно отграничивать.

Сервитуты. По Е. В. Васьковскому „... сервитутами ... называются *вещные права, предоставляющие своим обладателям возможность частичного господства над телесной вещью*” (С. 167). Возможность господства – хотя бы и частичного – выражается во **владении** и предполагает его; **сервитут как право на владение** (хотя бы и ограниченное) **чужой вещью** – несомненно, классическое вещное право. Сегодня, опять-таки этот тезис – о том, что сервитут дает право не только на пользование, но и на владение – приходится обосновывать. Очень полезна критика Е. В. Васьковским взгляда, согласно которому сервитуты представляют собой „права собственности” на ... отдельные качества, свойства или части вещи (см. С. 168–169). Далее каждому виду сервитутов – личным (С. 171–176) и вещным (С. 176–179) – посвящается по подробному параграфу, годному, между прочим, для любого учебника римского права.

В трактовке **залога** Е. В. Васьковский более чем традиционен: **залог вещей** (с его точки зрения) – это „... вещное право, предоставляющее своему обладателю возможность извлечь из телесной вещи ее имущественную ценность” (С. 180–181). Далее он то ли оговаривается, то ли высказывает дополнительные аргументы в пользу своего взгляда: „... многие ученые ... определяют залог как *право продажи чужой вещи в случае неисполнения обязательства*” (С. 181); „... залог, с точки зрения нашего законодательства, представляет собою вещное право, дающее своему обладателю возможность исключительного удовлетворения из цены данной вещи, в случае неисполнения собственником последней лежащего на нем обязательства” (С. 183); „залог недвижимого имущества ведет за собой только ограниче-

ние собственника в праве распоряжения ... – При закладе движимости ... собственник ограничивается не только в распоряжении, но и в пользовании и владении вещью, которая поступает к залогодержателю” (С. 187). Итоговый вывод: залог – это **ограничение возможности собственника вещи распоряжаться принадлежащим ему правом собственности**. Интересно, как это суждение совместимо с определением залога в качестве вещного права? Если вещное право – это право непосредственного господства над вещью, т. е. право владения ею – то где же оно в праве залога? Увы, это – ошибочное – понимание существа залога не просто тянется по сию пору, но и является едва ли не единственным в нашей литературе.

Е. В. Васьковский касается также вопроса о юридической природе **залога прав**; при этом он (в который уже раз) лишь кратко рассказывает о различных точках зрения, не формулируя своей (С. 181).

Последний интересный пассаж. Е. В. Васьковский, с одной стороны, соглашается с тем, что „залог обыкновенно является способом обеспечения обязательств и имеет значение **побочного (акцессорного) правоотношения**”; в то же время он признает, что залог „... может существовать и в качестве самостоятельного правоотношения, независимо от обязательства” (С. 182–183), что он может быть предметом дара (С. 183) и устанавливаться не только по договору, но и по завещанию (С. 186–187). Но можно ли все это произвести с правом „побочным (акцессорным)”? Не правильнее ли сделать вывод о самостоятельности или, во всяком случае, неоднородности, залогового права?

* * *

Наше рассмотрение доказывает, что „**Учебник гражданского права**” **Евгения Владимировича Васьковского** несмотря на те сто тридцать лет, что прошли с момента его издания, **продолжает оставаться более, чем актуальным, полезным и даже поучительным произведением не только учебного, но и научного, а также практического назначения.**

E. V. VASKOVSKY AND HIS „CIVIL LAW HANDBOOK” – ON THE OCCASION OF 150TH BIRTH ANNIVERSARY AND 120TH ANNIVERSARY OF THE HANDBOOK’S FIRST EDITION

Summary

Evgeniy Vaskovsky always enjoyed well-deserved reputation, in the first place as a specialist in the civil process. His fame as a material civil lawyer and, in particular,

as a civil lawyer-educator, somewhat less; even in Russia, the star of his civil-name is eclipsing by other many civil stars, more bright and flashy. The article attempts to at least partially fix this obvious injustice – tell about “The Handbook of Civil Law” by Evgeniy Vaskovsky. Unfortunately, the Handbook was left unfinished: it was limited to only two parties – the General Provisions and the Rights in Rem. Despite this fact, as well as those one hundred thirty years that have passed since its publication, “The Handbook of Civil Law” by Evgeniy Vaskovsky continues to be more than relevant, useful and even instructive piece not only academic, but also scientific as well as practical destination.

BIBLIOGRAFIA

- Васьковский Е. В., *Учебник гражданского права. Вып. I. Введение и общая часть*, Санкт-Петербург 1894
Васьковский Е. В., *Учебник гражданского права. Вып. II. Вещное право*, Санкт-Петербург 1896
Шершеневич Г. Ф., *К вопросу о системе гражданского права*, „Юридическая Летопись” 1892, Кн. 8

KEYWORDS

Evgeniy Vaskovsky, civil law of Russia (until 1917), handbooks of civil law, the general provisions of the civil law, rights *in rem*

SŁOWA KLUCZOWE

Eugeniusz Waśkowski, prawo cywilne Rosji (przed 1917 r.), podręcznik z prawa cywilnego, część ogólna prawa cywilnego, prawa *in rem*